

страх.

С Это слово стало именем моим. Оно стало сущностью моего существования. Это свистяще-рычаще-хрустящее слово. Как будто наступили на таракана, и он треснул. Иногда кажется, что я могу потрогать этот страх, настолько он материален. Я даже его вижу: серая, пористая масса, ноздреватая губка, достаточно рыхлая для того, чтобы в ней существовать, но слишком плотная, чтобы делать это полноценно...

Труднее всего — дышать. Почему-то особенно ночью, когда пытаюсь уснуть. Когда серая эта масса, сгустившаяся вокруг, становится черной. Поэтому сплю теперь я в основном днем. Ведь ночью особенно страшно. Наверное, из-за того, что слишком тихо. Днем с улицы доносятся хоть какие-то звуки, а вот ночью нет.

Сейчас-то еще ничего, сейчас я включаю ноутбук и сижу в Интернете. А сначала и это боялась делать: вдруг кто-то снаружи увидит свет... Точнее, не вдруг и не кто-то, а именно тот или те, кому это все взбрело в голову.

Так вот, повторяюсь, сейчас уже не так страшно — мы забили окна и балконную дверь металлическими щитами изнутри. Теперь с улицы не видно, горит ли в квартире свет. И щитов самих не видно: занавески засунули между щитами и окнами. С дороги, заверяют мои, ничего не видно. Вроде как нет никого дома.

Но до чего же это все надоело! Кто бы знал, как я от этого устала. Иногда хочется на все наплевать и выйти. Выскочить из подъезда и — ходить. Просто ходить. Без цели. Спуститься по лесенке на набережную, прогуляться, пешком вернуться домой по центральной улице... Да, может быть, замерзнуть. Да, скорее всего, заболеть. Ну как бы это было здорово! Заболеть! От того, что замерзла, потому что долго гуляла в мороз. На улице!

Я иногда вижу во сне, что гуляю. Эти сны — одно из немногих радостных событий в моей теперешней жизни. Правда, они слишком редки. Чаще всего либо не снится ничего, либо — кошмары.

Вот недавно, например, приснилось, будто сижу я в комнате. На полу, на ковре. Передо мной разложены газеты. Я беру одну из них, разворачиваю. Напротив, у стены — зеркало-трюмо. Я вижу свое отражение. Читаю газету, перелистываю страницы. И вдруг замечаю: что-то не так с отражением... Я переворачиваю страницы, а оно — нет. Сидит, смотрит на меня. И замерло...

Я буквально «выдираюсь» из сна. Проснувшись, убеждаю себя, что это был лишь сон.

А началось все так внезапно, так неожиданно: мы просто смотрели телевизор. И в новостях сообщили о какой-то шайке маньяков, то ли собиравших сведения о жертвах в соцсетях, то ли принимавших заказы на убийства на сайте. Ну, поудивлялись да и забыли.

А через пару дней зазвонил телефон. Мужской голос представился нашим участковым. Бойко поинтересовался, жива ли я... еще.

Мороз по коже. Оказывается, в Интернете, в одной из популярных соцсетей была создана группа. Интересная такая группа. Называется «Закажи врага». Смысл ее деятельности в том, что любой желающий может заказать убийство человека. Все очень просто: пишешь заявку на вступление в группу, проходишь несложную процедуру регистрации, отправляешь данные потенциальной жертвы, плюс фотография с хорошо различимым лицом.

Поначалу никто не обратил на эту «шутку» должного внимания. И как оказалось — зря.

Пять человек из списка мертвы. Причем погибли они именно так, как были «заказаны»: кто-то сбит на дороге, кто-то застрелен, кто-то задушен...

Участковый рассказывал все это отчужденным, даже равнодушным, тоном. Но мои ощущения не нуждались в дополнительном усилении сочувствующей или устрашающей интонацией.

Я уже почти ничего не слышала, мир вокруг померк и точно отдалился. Сама же я будто провалилась в какую-то яму. Участковый не говорил прямо, но, конечно, я догадалась, что дело касается меня. Оставив адрес той группы в соцсети (он объяснил, что ее уже заблокировали, но в интересах следствия еще не уничтожили), на резонный вопрос: «Что мне теперь сделать?», ответил: «Спрячьтесь куда-нибудь».

Как в тумане, я набрала адрес в поисковике. Вышла группа. 47 (!) участников. «Заказанных» — 53 (некоторые не стеснялись и заполняли данные на двух, а некоторые даже и на трех человек).

«Закажи убийство врага!» — красочная реклама. Смешные картинки на тему смерти, анекдоты... Опрос «Как лучше убрать врага», несколько вариантов ответа. А, вот и оно: «Список врагов». Боже, есть я... И фотка моя: улыбаюсь, красивая такая, на собственном дне рождения, в кафе.

Эта фотка была сделана пару лет назад, тогда я была еще замужем. И

ребенка еще не было. Теперь дочке уже годик. Маленькая пуговка только начала ходить. И пытается даже говорить что-то по-своему. Моя девочка... Как же она останется... без меня?..

Мысль ударила молнией. Что делать?! Куда прятаться, куда прятать дочку? А маму?

Уже полгода мы живем втроем: с мужем я развелась, причем развод был плохим, трудным. Сейчас я впервые даже немного пожалела об этом: какой-никакой, а был бы рядом, может, чем-то помог бы... Хотя нет, это вряд ли.

«Но кто же меня... заказал?» — нырнула я опять в волны Интернета. «Что?! Кто?!» — в поле «Заказчик» красовались фамилия и инициалы бывшего мужа. Скользнула взглядом вниз: «Способ убийства» — лаконичное «расчленить». Блин! Черт! Тварь! Тебя бы расчленить... Что же такого я тебе сделала?!

Посмотрела новости: действительно, орудует банда, прозванная «интернет-маньяками». Или это один человек... Пока не ясно. Жуть. Главное: за что? Погибли простые люди. Неужели они сотворили столько зла, что их надо было убить!..

Сколько я так просидела, погруженная в раздумья, не помню.

К действительности вернул скрежет ключа в двери. Меня передернуло. Да нет, ключом могут только свои открывать. Родные веселые голоса: мама с дочкой возвратились с прогулки. Увидев меня, мама изменилась в лице — поняла: что-то случилось. И я рассказала обо всем.

Долго сидели молча. Даже доча притихла.

Я написала заявление на работу с просьбой о предоставлении мне отпуска без содержания. Ребенка в квартире оставлять нельзя. Самой выходить тоже нельзя (хотя еще утром я спокойно ходила в магазин). Решено было снять квартиру, где будут жить мама с дочей. А я останусь дома. Закроюсь и буду делать вид, что никого нет.

Своих я выдворила в тот же день, к маминой подруге, пока не найдем, куда переехать. Могу вообразить, как тяжело было маме оставлять меня одну.

Наутро она отнесла мое заявление на работу, я позвонила начальнице, объяснила ситуацию. Она поинтересовалась только, долго ли меня не будет на рабочем месте. Я ответила, что очень надеюсь скоро выйти.

Спустя две недели начальница перезвонила и сообщила, что отдел без рабочей единицы погибает, и они вынуждены меня уволить.

Нормально, теперь и работы лишилась.

Жутко непривычно и тягостно ощущать, что любимая квартира из уютной «крепости» превратилась в тюрьму. И если узник хотя бы знает срок заключения, то я — нет. И чем все закончится — тоже.

Помимо прочего, еще и света белого не вижу: окна же забиты. Так что постоянно царит порядком уже приевшийся полумрак. День перемешался с ночью, о времени суток можно судить только по часам да по доносящимся с улицы звукам.

Иной раз лежишь в кровати и вставать вообще не хочется. Усталость — несмотря на то, что вообще ничего и не делала. Чувство, словно болеешь. Поначалу думала: буду читать книги. Не получилось: не могу сосредоточиться, сконцентрироваться на сюжете.

Решила смотреть фильмы. Влезла в «Афишу» в Интернете: и тут облом — смотреть нечего. От одних названий стало дурно: «Наплевала на твою могилу», «Проклятие», «Орудия пыток», «Выходные зомби», «Тре-

вожный звонок», «Шизофрения», «Маньяк-потрошитель»... Особенным «шиком», похоже, считается снять фильм ужасов, «основанный на реальных событиях». Видимо, режиссеры думают, что мне, зрителю, фильм про зверские убийства покажется наиболее приятным, если я буду знать, что он основан на реальных событиях. И — дурацкие комедии, скучные мелодрамы, от одних названий которых тянет тошнотворным ванильным ароматизатором... Начала пересматривать любимое старое кино.

От долгого сидения в этом Интернете сильно устают глаза и болит голова. Без свежего воздуха тоже плохо: я же не могу открыть даже форточку. И без солнца плохо... Так и проходит жизнь в полумраке.

Хорошо еще, есть телефон. Я каждый день по нескольку раз звоню маме, разговариваю с дочкой. Моя малышка, мне кажется, повзрослела за это время. Спрашивает, котик, как у меня дела, говорит, скучает. Кстати, они так и остались у маминой подруги: квартиру снять денег не хватило, к тому же я-то больше не работаю.

А ведь меня и кормить надо. Раз в три-четыре дня приходит мама. Она бы приходила и чаще, но с ребенком нельзя: мы очень боимся за девочку. Мамина подруга сидит с ней, когда может, а мама тогда — быстро ко мне.

Приносит еду. Как-то же надо питаться, я все же функционирую... пока... и выносит мусор.

В конце концов, и в заточении я нашла-таки себе развлечение. Человек и впрямь в любой ситуации может найти отдушину. Для меня такой маленькой радостью стало небольшое «окошечко», проделанное в железных оконных ставнях. Гвоздиком поддела край металлического листа и чуть отогнула от стены. Получился просвет, в который было немножко видно улицу. После «сеанса» я выравнивала этот край обратно.

Смотрела в основном ночью. Темное небо, свет фонаря, черные ветви, покрытые снегом, кусок дороги. Иногда проезжают машины. Интересно, правда, интересно на них смотреть. Фантазировать, кто там едет, куда едет, придумывать жизненные ситуации, истории...

Февраль выдался снежный, вьюжило иной раз так, что казалось, снег — это сплошная, но шербатая стена, из дырок которой иногда проглядывает улица. Снежинки летели большие и кружевные, будто связанные крючком из тонкой шерстяной нити. И в голове постоянно, что те снежинки на улице, кружились стихи: «Как летом роем мошкара летит на пламя, слетались хлопья со двора к оконной раме... И все терялось в снежной мгле, слепой и белой...»

Однажды раздался звонок домашнего телефона (я быстрее бросилась поднимать, чтобы не шумел). Нажала на кнопку, и неприятный голос произнес: «Привет». Сразу бросила трубку: этот голос был мне знаком. Телефон позвонил опять. Я его отключила.

А вечером на электронку пришло сообщение: «Ты почему бросила трубку? Я всего лишь хотел поговорить. Сходи, если тебя не затруднит, в полицию, напиши заявление, что у тебя нет ко мне претензий. А то меня обвиняют в заказе убийства. Но ты же понимаешь: я просто пошутил».

Я знала, конечно, что мой бывший обладает нестандартным чувством юмора, но что до такой степени — даже не могла предположить. Ну, надо же, мало того, что, пускай даже в шутку, но возжелал моей смерти, мало того, что реально «заказал» мое убийство в этой группе, он еще и хочет, чтобы я не имела к нему претензий! Ух, негодяй. Да еще и «сходи». Ага, разбежалась! Чтобы меня по дороге поймали и... Ну, ясное дело, что.

Я покопалась в Интернете, узнать, что бывает заказчикам убийств. В общем, похоже, если никого не убили, то заводятся дела, ведутся расследования, и по решению суда — срок. И уж конечно, если все-таки убьют.

«И уж конечно»... Да, за это, уж конечно, посадить бы следовало.

Ох, и шуточки у них. Все шутят — юмористы кругом.

А мне не смешно. Особенно боюсь сейчас дверей. И входной, и балконной. Боюсь, что по балконной двери залезет кто-нибудь. И не остановит этого кого-то металлический щит... Особенно если я сплю — я ведь тогда могу не услышать, хотя сплю, конечно, беспокоюсь, реагирую на каждый шорох, любой стук или скрип.

Однажды поздним вечером услышала скрежет за входной дверью. Быстро захлопнула крышку ноутбука — чтобы совсем темно было. Затаилась. И тихо-тихо, на цыпочках стала подходить к двери. Остановилась: а вдруг у них там автомат... или какое другое огнестрельное оружие. Пальнет — и прости-прощай. Хоть дверь-то и железная, но пробить все равно может. Или в замок стрельнуть, чтобы дверь открыть: в той группе в соцсети указано же — не «застрелить», а...

Постояла с минуту — вроде тишина. Осмелела: подкралась к двери. Глазок светится теплым ярко-желтым. Думаю, гляну — а там какой-нибудь монстр с перекошенной рожой. Совсем нервишки расстроились. Выдохнула и глянула: а это... соседская кошка копошится у двери напротив. Как я забыла про нее! Повадилась, бесстыжая, «ходить» нам на коврик. Своим хозяевам, главное, ничего, а на наш коврик — пожалуйста. Сколько раз я ее отгоняла, даже «пиночила», хлоркой коврик поливала, а все равно — лезет.

От прилива справедливого гнева, охватившего меня, даже забыла о страхе. Быстро открыла дверь и высунулась, не выходя полностью, в подъезд. Кошка зыркнула своими сердитыми зелеными глазищами, выгнула спину и рванула вниз. В тот же миг сверху мелькнула черная тень и резким ударом сбила меня с ног, толкнув обратно в квартиру.

Это был высокий мужчина в длинном сером плаще. На лицо натянута черная вязаная шапочка с прорезями для глаз. Злые темные глаза безотрывно и не моргая глядели на меня.

Виски пронзила жгучая боль. Удар пришелся в лицо, внезапная темнота полностью сковала меня. Я даже подумать толком ничего не успела. Лежа навзничь в коридоре, нечего было и помыслить о сопротивлении: черная фигура налетела сверху. Я только инстинктивно пыталась прикрыться руками от кулаков. Справиться со мной не составило никакого труда. «Вот и все»... — поняла я. Вот и все кончилось... Замелькали разноцветные картинки перед глазами, как в мультике, и последними мыслями были «мама» и «дочка»...

Придя в сознание, я обнаружила себя лежащей на кровати. Сначала подумала, что это моя комната, потом с ужасом обнаружила, что не моя... К тому же она была странно вся белая, почти пустая. В глаза бросалось маленькое зарешеченное окошко под потолком. А рядом — люди в белом. Дико болела голова, и жгло руку. Рядом со мной, на табуретке — человек в белом халате. «Вот, голубушка, вот и славненько. Подействовало, полежите немного, оклемаетесь». — Человек улыбнулся в усы. Он напоминал Деда Мороза. Сверху прогудел другой голос: «Ну вот и все, поймали мы твоего маньяка»...

Наступила весна. Я шла по улице. Прохладный резкий ветер дул в лицо, развеивал волосы, студил уши и нос, силился забраться под пальто. Кое-где на сырой земле, особенно там, где обычно бывает тень, еще проглядывал грязный снежок, но по его пожухшему виду было ясно, что и он скоро исчезнет.

Деревья еще голые, кора мокрая от растаявшего снега и дождей. Однако на ветках уже набухли почки, вот-вот готовые взорваться праздничным зеленым салютом.

Иногда яркое весеннее солнце скромно выглядывало из-за несущихся по небу туч, и тогда все вокруг совершенно преображалось, становилось ярче и веселее. Даже лица людей, измученных долгой зимой, становились светлее и как-то добрее. Правда, сейчас весь мир был добр ко мне, а я к нему.

Сегодня меня выписали из клиники для душевнобольных... Оказывается, все-все про маньяка мне... привиделось. Виной тому болезнь...

Я не помню, что происходило со мной все это время на самом деле. Врач сказал, что ничего, что сначала я просто сидела на кровати, будто в оцепенении. Потом, уже позже, начала буянить, кричать, бросаться на санитаров. Решено было применить более сильнодействующее лекарство. И оно подействовало, вернуло меня к действительности, но...

Но оказалось, что в действительности нет и не было не только никакого маньяка, но и замужем я никогда не была. А самое плохое — и ребенка никакого тоже нет. Это очень меня опечалило. Я была уверена, что дочка есть... Я же ее так явственно видела! Я вдыхала аромат ее волос и обнимала ее!.. Маленькая кнопочка... Но доктор прописал мне успокоительные, и сейчас я чувствую себя вполне нормально. Я почти смирилась.

Да, а мама, кстати, у меня есть. Это я сама вспомнила. Но такой, прости господи, лучше бы и не было... Пьет она. Давно. Может, потому и я не совсем здорова, не знаю. И опять придется возвращаться в нашу общую квартиру. Как вспомню об этом... Даже лучше, пожалуй, в психушке сидеть.

Но ничего, я же принимаю антидепрессанты.

Да, такое, конечно, со мной не первый раз. Периодически нужно лечиться. Каждые полгода. Иногда я помню, что видела в своем сумеречном состоянии, но чаще не помню. А этот раз был очень отчетлив, может, даже ярче, чем наяву. И поэтому я еще долго не могла поверить, что у меня нет ребенка, злилась, думала, что врач обманывает, что дочь мою украли. Плакала, рвалась искать ее. А потом вспомнила, что это все причуды искаженного разума... Успокоилась.

Я села на скамеечку в парке. Снова на мгновение выглянуло солнце и ласково провело лучиком по щеке. Слава Богу, у меня есть этот день. И, смею надеяться, не один. Быть может, еще отведено мне время. До следующего приступа.